

УДК 811. 161. 1'42

К. Л. Ковалёва, В. Ю. Шишкина

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА»

К. Л. КОВАЛЬОВА, В. Ю. ШИШКИНА. ДІАЛОГІЧНІ ВІДНОСИНИ В РОМАНІ Б. АКУНІНА «АЛМАЗНА КОЛІСНИЦЯ».

У статті в межах дискурсивно-діалогічного підходу представлений аналіз діалогічних відносин у романі Б. Акуніна «Алмазна колісниця». Відповідно до положення про те, що дискурсу притаманна діалогічність, яка характеризується, з одного боку, спрямованістю на адресата, з іншого боку, взаємодією з попередніми текстами, нами розглянуто два типи діалогічності: метадискурсивна, яка відображає відносини «адресант – адресат», та інтердискурсивна, яка визначає відносини «текст – претекст». На прикладах розглянуто механізм виникнення діалогічності в кожному типі.

Ключові слова: діалогічність, дискурс, метадискурсивність, метатекстуальність, інтердискурсивність, інтертекстуальність.

К. Л. КОВАЛЁВА, В. Ю. ШИШКИНА. ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА».

В статье в рамках дискурсивно-диалогического подхода представлен анализ диалогических отношений в романе Б. Акунина «Алмазная колесница». В соответствии с положением о том, что дискурсу присуща диалогичность, характеризующаяся, с одной стороны, направленностью на адресата, с другой стороны, взаимодействием с предшествующими текстами, нами рассматриваются два типа диалогичности: метадискурсивная, отражающая отношения «адресант – адресат», и интердискурсивная, определяющая отношения «текст – претекст». На примерах рассмотрен механизм возникновения диалогичности в каждом типе.

Ключевые слова: диалогичность, дискурс, метадискурсивность, метатекстуальность, интердискурсивность, интертекстуальность.

K. L. KOVALYOVA, V. YU. SHYSHKINA. DIALOGICAL RELATIONS IN B. AKUNIN'S NOVEL "ALMAZNAYA KOLIESNITSA".

The article is devoted to the research of literary discourse in the aspect of dialogueness. The purpose of the article is to research different types of dialogueness and the linguistic means of their expressing. The analysis of dialogical relations in B. Akunin's novel "Almaznaya Kolesnitsa" is represented in the article on the basis of discursive and dialogical approach. Basing on the assumption that dialogueness is inherent in discourse and the first one is characterised by its intentionality to the addressee on the one hand and the interaction with the precedent texts on the other hand, we consider two types of dialogueness: the metadiscursive one reflecting the relations "addresser – addressee" and the interdiscursive one which defines the relations "text – pre-text". In the novel metadiscursive dialogueness is expressed by metatextual components. Interdiscursive dialogueness is expressed by intertextual means. The generating process of dialogueness in each type is considered via examples.

Key words: dialogueness, discourse, metadiscursiveness, metatextuality, interdiscursiveness, intertextuality.

Конститутивным началом процесса коммуникации является диалогичность как общий принцип речевой деятельности. Диалогичность является предметом исследования функциональной стилистики, коммуникативной лингвистики, прагматики, когнитологии, антропологии, философии и ряда других смежных наук. Проблема диалогичности носит дискуссионный характер, поскольку на каждом новом этапе развития лингвистики это понятие наполняется новым содержанием, выделяются разные типы диалогичности. Этим определяется актуальность исследования.

Целью настоящей работы является рассмотрение в рамках дискурсивно-диалогического подхода разных типов диалогических отношений по линиям «адресант – адресат» и «текст – претекст», исследование языковых средств их выражения в романе Б. Акунина «Алмазная колесница». *Объектом* исследования является постмодернистский художественный дискурс романа Б. Акунина «Алмазная колесница». *Предметом* анализа являются языковые средства выражения диалогичности в романе.

В основе большинства современных исследований, затрагивающих анализ разного рода диалогических отношений, лежит теория диалогизма М. Бахтина. Ученый писал, что «Диалогическое общение есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка ... пронизана диалогическими отношениями» [3, с. 212]. М. Бахтин развивает свою теорию диалогичности текстов применительно к жанру романа, так как в нем соединяется два и более текстов, голосов, присутствующих в словах героев, высказываниях автора в виде «своего-чужого» слова, цитатах, мотивах ...» [там же, с. 283-284].

Трактовка диалога как взаимодействия авторского слова с «чужим» в разных его проявлениях послужила основой лингвистических исследований межтекстовых отношений. Идеи М. Бахтина о диалогичности человеческого бытия, о нескончаемом обновлении смыслов близки постструктуралистской концепции «мир как текст» (Ж. Деррида) и получили широкое развитие в трудах постструктуралистов (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида и др.). В отличие от М. Бахтина, который рассматривал диалог с точки зрения межсубъектных отношений, западные постструктуралисты рассматривают отношения диалогичности как безличные, сверхсубъектные, межтекстовые. Теоретики постмодернистской философии провозглашают «смерть субъекта» (М. Фуко), «смерть автора» (Р. Барт) и рождение скриптора, который организует и komponует в «многомерное пространство» уже сказанное, написанное и прочитанное. Таким образом, произведение строится «из анонимных неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [2, с. 418].

Для современной научной парадигмы характерно понимание диалога как активного коммуникативного взаимодействия. Относительно соотношения понятий «диалог», «диалогичность» следует отметить, что последнее является более широким и применяется не только в связи с понятиями язык и речь, а и по отношению к самому мыслительному процессу. Так, М. Кожина дает следующее определение: «Диалогичность письменной научной речи – это выражение в тексте (его организации) средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго «Я», и возможных оппонентов, а также отражение в речи собеседника диалога» [5, с. 42].

Некоторые исследователи (О. Прохвятилова, С. Чубай и др.) отмечают, что проблема диалогичности текста связана с понятием диалогичности как основного свойства языка и речи, «отражающего отношения говорящего и слушающего, субъекта и адресата речи, отношение “я”-сферы и “ты”-сферы модуса высказывания» [9, с. 109], тогда как другие (А. Арутюнова, М. Кожина, Т. Колокольцева, Н. Красавцева и др.) отмечают, что диалогичность является одной из важнейших текстовых категорий, а также одним из типологических признаков текста в целом (О. Федотова).

Ряд ученых (А. Арутюнова, Е. Вотрина, Л. Дускаева, М. Кормилицына, Д. Орехова, О. Прохвятилова, А. Радюшкина, С. Чубай и др.) дифференцирует разные типы диалогичности и, описывая это явление в двух аспектах (в аспекте диалогических отношений «адресант – адресат» и в аспекте диалогических отношений «текст – претекст»), выделяет внутреннюю и внешнюю диалогичность. Наполнение данных понятий у разных исследователей существенно отличается.

Так, Е. Вотрина, О. Прохвятилова, А. Радюшкина, С. Хорошилова, С. Чубай отмечают, что внутреннюю диалогичность формирует актуализация «я»-сферы высказывания, средствами реализации которой являются формы чужой речи, или цитирование. Актуализация «ты»-сферы высказывания формирует внешнюю диалогичность речевого произведения в целом, эксплицируя отношения «адресант-адресат».

Другие ученые (А. Арутюнова, Л. Дускаева, Д. Орехова и др.), также выделяя внутреннюю и внешнюю диалогичность (диалог «адресат-адресант» и диалог «текст-претекст»), вкла-

дывают в эти понятия другое содержание. Процессы адресации получают название «внутренняя диалогичность», а межтекстовое взаимодействие – «внешняя диалогичность». На наш взгляд, терминологическое различие не меняет сути двух типов диалогичности, критериев их выделения, анализа средств их реализации, а связано с различием позиций в определении понятия «текст», в выделении его основных признаков и обусловлено неоднозначностью трактовки внутритекстовых и надтекстовых единиц.

Изучение понятия «диалогичность» при любом из указанных выше подходов требует выхода за пределы текста в коммуникативное, когнитивное, семиотическое пространство, большее, чем текст, т.е. в дискурс, куда включаются, кроме текста как лингвистической единицы, все экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, мнения, цели адресанта и адресата), сопровождающие порождение, функционирование, восприятие текста. Таким образом, исследование диалогичности нами проводится в рамках дискурсивно-диалогического анализа, «...который сосредотачивает внимание на особенностях функционирования текста как дискурса в диалогическом социокультурном контексте» [8, с. 9] и является «прогрессивным при исследовании текста» [7, с. 72–81].

Мы в своем исследовании опираемся на определение дискурса, предложенное В. Чернявской, которая разграничивает два подхода к пониманию дискурса: дискурс 1 – «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [11, с. 143] и дискурс 2 – «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [там же, с. 144]. В первом определении акцентируется внимание на конкретном коммуникативном событии, во втором – на содержательно-тематической общности текстов. Представленные В. Чернявской подходы к определению дискурса не являются принципиально различными, а отражают разные стороны одного явления и взаимодополняют друг друга.

Использование теории дискурса при анализе диалогических отношений дало возможность говорить о дискурсивной диалогичности. Но в связи с тем, что диалогичность понимается нами как свойство текста, проявляющееся по двум направлениям («адресант – адресат» и «текст – претекст»), на наш взгляд, следует говорить и о двух типах дискурсивной диалогичности.

Первый тип диалогического взаимодействия связан с отношениями «автор – читатель» («адресант – адресат») и учитывает прагматический ситуативный контекст. Автор, желая быть понятым и стремясь максимально приблизить интерпретацию текста потенциальным читателем к его, авторскому, замыслу, объясняет и комментирует свой собственный текст, используя при этом метатекстовые единицы. Таким образом, дискурсивная диалогичность, создаваемая с помощью метатекстовых единиц, может быть охарактеризована как метадискурсивная.

Второй тип диалогического взаимодействия связан с отношениями «текст – претекст». Автор как субъект для выражения собственной позиции, использует ранее созданные тексты в виде интертекстуальных включений и приглашает читателя к диалогу с предшественниками. Таким образом, дискурсивная диалогичность, создаваемая с помощью интертекстовых единиц, может быть охарактеризована как интердискурсивная. Эти два типа диалогичности и рассматриваются в нашей работе.

На наш взгляд, подобно тому, как текст включается в дискурс, метатекст включается в метадискурс, а интертекст – в интердискурс. Таким образом, метатекстуальность подчинена метадискурсивности, а интертекстуальность – интердискурсивности. Каждый из указанных типов диалогичности имеет свои языковые средства выражения.

Метадискурсивная диалогичность в романе реализуется через следующие метатекстовые компоненты: вопросительные конструкции, вставные конструкции, перформативы, вводные слова и словосочетания, дискурсивные слова, несобственно-прямая речь, композиционные элементы (например, единообразное построение глав второго тома, каждая из которых заканчивается хокку, написанным Б. Акуниным).

Объем статьи не позволяет рассмотреть все выделенные нами средства реализации метадискурсивной диалогичности, рассмотрим механизм возникновения диалогического взаимодействия автора и читателя в романе «Алмазная колесница» на примере использования хокку как элемента диалогической стратегии автора.

За кажущейся структурной и смысловой простотой трех строк хокку стоит весь мир, глубокие философские размышления и обобщения. Автор хокку приглашает читателя к сотворчеству, требует встречной работы мысли. Находясь в сильной позиции (конец каждой главы второго тома), хокку замыкает главу, заставляет переосмыслить вышесказанное. В хокку Б. Акунин цитирует название главы, тем самым закольцовывая главы. Таким образом, каждая глава заключена в рамку, образованную заглавием и финальным хокку.

Например, название главы «Последняя улыбка» вызывает у читателя вопрос: о чьей последней улыбке идет речь? Глава начинается встречей Фандорина с наложницей Буллокса О-Юми, посмотревшей на него «долгим и странным взглядом» [1, с. 325]. Автор описывает ее взгляд, а читатель, следуя правилам хокку «дорисовывает» образ улыбающейся О-Юми. Кажется, что загадка решена, но автор играет с читателем далее: «Дежурящий у входа констебль тоже *поглядывал с ухмылкой*» [там же, с. 328] – может это его последняя улыбка? Или далее: «О-Юми *слегка улыбнулась*» [там же]. Автор продолжает играть с читателем: «– Ну, и чем же я сегодня занимался? Или нет, лучше определите, о чем я думал? – *иронически улыбнулся он*» [там же]. Вот она последняя ироническая улыбка, но автор опять продолжает: «а *кудесница лукаво улыбнулась*» [там же, с. 329]. В конце главы Фандорину почти удается поймать врага. Но синоби совершает древний обряд «отрезания лица», чтобы никто не узнал, как он выглядел: «Эрасту Петровичу ... приходилось видеть немало страшного <...> Но ничто на свете не могло быть кошмарнее этой *багровой маски с белыми кружками глаз и оскалом зубов*.

– *Конгодзё!* – тихо, но отчётливо прохрипел беззубый рот, *растягиваясь всё шире и шире*» [там же, с. 334]. Этот же обряд совершил в камере заключенный по кличке Акробат в первом томе романа. Наконец, читатель понимает, о какой улыбке шла речь. В завершающем хокку автор словно «смеется» над читателем: вот она та самая «последняя улыбка», заставляющая леденеть кровь!

«А видели, как он оскалился перед смертью? В книгах о ниндзя мне встречался странный термин – Последняя Улыбка, но там не объяснялось, что это такое. М-да, малоаппетитное зрелище!

О, как хочется

Улыбнуться от души

Хоть напоследок» [1, с. 335].

Название главы «Последняя улыбка» и финальное хокку со словами «*улыбнуться ... напоследок*» являются своеобразной рамкой, которая помогает читателю расставить акценты в содержании. Автор на протяжении всей главы играет с читателем, ведет его за собой, заставляя разгадывать его замысел, внимательно следить за развитием сюжета.

Хокку в конце главы – это обобщение, подведение итогов, глубочайшая философская мысль, возвращающая читателя к названию. Традиционно в хокку автор никогда не доводит мысль до логического завершения, а предлагает читателю самому трактовать написанное. Этот же прием использует и Б. Акунин, заканчивая роман следующим хокку:

«Забудь, что прочел.

Учись читать заново.

Так сказал сэнсей» [1, с. 710].

Это прямое обращение к читателю. Автор, используя хокку в конце романа, заставляет задуматься над всем романом в целом, подводит к мысли, что все прочитанное требует переосмысления и сотворчества.

Кроме того, что хокку структурируют роман, они еще интригуют, будоражат воображение читателя, направляют его мысль, помогают соотнести читательскую интерпретацию с авторским замыслом, переосмысливать прочитанное в соответствии с содержанием хокку. Таким образом, завершая каждую главу второго тома, японские трехстишия хокку выполняют эмоционально-эстетическую, когнитивную, апеллятивную, фатическую, структурообразующую и смыслообразующую функции.

Интердискурсивная диалогичность в романе эксплицирована интертекстуальными средствами: цитатными включениями, аллюзиями, реминисценциями.

Так как объем статьи не позволяет рассмотреть все выделенные нами средства реализации интердискурсивной диалогичности, рассмотрим механизм возникновения диалогического взаимодействия дискурсов в романе «Алмазная колесница» на примере аллюзии.

В нашем исследовании под аллюзией понимается приём употребления имени или названия, намекающего на известный литературный, историко-культурный факт, социально-бытовые реалии, намёк на какую-либо область общего фонда знаний, опирающийся на экстралингвистические presuppositions автора и читателя.

С точки зрения дискурсивно-диалогического анализа представляют интерес заглавия романа, его частей, глав, являющиеся аллюзиями.

Так, исторической аллюзией является название романа «Алмазная колесница», которое отсылает читателя к одному из направлений буддизма. В буддизме выделяются различные Пути или «колесницы» духовного развития, в которых на первый план выдвигаются те или иные подходы и методы, – Малая колесница, Великая колесница и Алмазная колесница. Практикующие Алмазную колесницу совершенствуются в том, чтобы переживать все на высшем уровне, постигая глубину любой жизненной ситуации [10]. Именно этому Пути учит Тамба Эраста Петровича: «– *Есть третья колесница, воссесть на неё дано лишь немногим избранным. <...> Мчаться на ней означает жить по правилам всего мироздания, включая и Зло. <...> Путь к истине через постижение законов Зла*» [1, с. 706–707].

Заглавие является абсолютно сильной позицией, в которой сообщается основное содержание, тема, идея текста. Используя в названии романа аллюзию на Алмазную колесницу, автор к художественному дискурсу подключает философско-религиозный, создавая таким образом интердискурсивное пространство, наполняя роман новым содержанием, «поднимая» его на новый уровень философских обобщений. Подключение дискурса, связанного с религиозно-философским учением об Алмазной колеснице, и символичность понятия «Алмазная колесница» помогают читателю понять, что все события, которые описываются в романе, – это Путь каждого из главных героев к цели, причем у каждого Путь духовного развития свой, своя Алмазная колесница, своя миссия. Подключением философского дискурса через название романа автор говорит о том, что нет ни добра, ни зла, а действующие лица не являются ни предателями, ни лжецами, ни героями, ни злодеями, а лишь идут каждый по своему пути к Алмазной колеснице.

Название первого тома романа «Ловец стрекоз», как и романа в целом, также является исторической аллюзией. Особенность данных аллюзий связана с намеком на исторические факты, события, культурные явления, традиции, биографии, т.е. денотатом исторической аллюзии являются события и факты реального мира, исторического и культурного развития, которые подключают общекультурный дискурс и создают интердискурсивную диалогичность.

Заглавие «Ловец стрекоз» – это намек на определенные традиции японского народа и отсылка читателя к малоизвестному (для западной культуры) факту из жизни японских детей (о чем Рыбников сам сообщает: «... *маленьким мальчиком любил ловить стрекоз, чтоб потом пускать их с высокого обрыва ...*» [1, с. 74]).

Данная аллюзия содержит информацию, ограниченную рамками одной национальной культуры, и, несомненно, требует определенных усилий в интерпретации. В японской культуре стрекоза – символ воинственной отваги, силы и мужества среди самураев (стрекоза не двигается назад, следовательно, не отступает). Шлемы самураев, кольчуги, стрелы, одежда и прочие предметы украшались приносящим удачу изображением стрекозы. История свидетельствует о том, что любимым занятием японцев с древних времен является наблюдение за стрекозами и их ловля [4].

Подключение через аллюзивную единицу (название первого тома) к дискурсу романа Б. Акунина этнодискурса дает возможность сведущему читателю, сопоставив факты, раскрыть тайну главного героя не в конце первого тома, где тайна будет открыта для всех, а в начале. Прослеживается логическая цепочка: ловля стрекоз – это традиция, связанная с Японией, если первый том называется «Ловец стрекоз», следовательно, в нем будет идти речь о жителе Японии, но в этом томе рассказывается о Рыбникове, следовательно, Рыбников – японец, и к тому

же мужественный, отважный воин, не отступающий назад, так как стрекоза – это символ именно этих качеств. Такую характеристику трудно дать тому человеку, каким перед нами предстает Рыбников в начале повествования. Но вдумчивый читатель, который понял намек автора, уверен, что именно Рыбников и есть японский шпион. Подключение этнодискурса помогает эрудированному читателю не идти за развитием сюжета, а опережать его, находя в его развитии лишь подтверждение ранее сделанным выводам.

Таким образом, исследование интердискурсивной диалогичности тесным образом связано с интертекстуальным анализом, основывающимся на понимании литературного процесса как постоянного взаимодействия текстов, мировоззрений, культурных кодов. Автор создает мир своего произведения, отталкиваясь от уже существующих и переосмысленных им культурных кодов, что является основанием для утверждения: «... всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [6, с. 432]. Включение интертекстуальных элементов означает подключение дополнительных смыслов и связей из их источника.

Таким образом, в текстовом пространстве романа Б. Акунина «Алмазная колесница» нами выделены два типа диалогических отношений: метадискурсивная диалогичность, отражающая отношения «автор – читатель» и интердискурсивная диалогичность, отражающая отношения «текст – претекст», и показан на примерах механизм возникновения каждого из двух типов диалогических отношений.

Перспективой нашего исследования является полный и всесторонний анализ особенностей реализации мета- и интердискурсивной диалогичности в романах Б. Акунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Алмазная колесница / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2004. – 720 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Пер с фр. сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: 1986. – 445 с.
4. Каниси Масаясу. Японские животные и японская культура. Стрекозы острова [Электронный ресурс] / Масаясу Каниси // НИППОНИЯ № 29, 15 июня 2004 г. – Режим доступа: <http://web-japan.org/nipponia/nipponia29/ru/animal/animal01.html>.
5. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь: ПГУ, 1986. – 91 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
7. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 72–81
8. Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
9. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, – 1999. – 364 с.
10. Три колесницы [Электронный ресурс] // Проект «Основы буддизма в школе»: сайт. – URL: <http://school.buddhism.ru/projekt/projekt.html>.
11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

(Статья поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.)